

Б.И. Горев

**Огюст Бланки. Его жизнь,
революционная деятельность
и роль в истории социализма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б.И. Горев**
Огюст Бланки. Его жизнь, революционная деятельность и роль в истории социализма / Б.И. Горев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 124 с.

ISBN 978-5-517-96195-2

ISBN 978-5-517-96195-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Впечатления детства и юности.

Луи-Огюст (Людвиг-Август) Бланки родился 1-го февраля 1805 г. в маленьком городке Пюже-Тэнье, возле Ниццы, бывшей раньше итальянским городом и лишь во время революции присоединенной к Франции.

Отец его, Жан-Доминик Бланки, учитель философии и астрономии в коллеже (гимназии) в Ницце, человек образованный, воспитанный на французских философах XVIII века, ненавидевший старый режим и феодальную аристократию, радостно приветствовал великую французскую революцию. Когда революционные французские войска заняли Ниццу, Доминик Бланки был послан в Париж просить о присоединении этого города к Франции и тотчас вслед за тем, весной 1793 г., был избран депутатом в Конвент, чрезвычайный революционный парламент Франции. Но там ему пришлось пробыть не долго. Он примкнул к умеренной революционной партии жирондистов, и, когда после народного восстания 31 мая и 2-го июня, направленного против жирондистов, победила и взяла власть крайняя революционная партия „Горы“ (или, иначе, якобинцев, по имени клуба якобинцев, который был центром этой партии), Бланки вместе со всеми жирондистами подвергся преследованию. Он был арестован, просидел в парижских тюрьмах в крайне тяжелых условиях 10 месяцев и был освобожден лишь после падения вождя якобинцев Робеспьера, когда началась буржуазная реакция. Возвращенный в Конвент, Бланки потом, при правительстве директории, вошел в „совет пятисот“, признал государственный переворот Наполеона Бонапарта и получил место супрефекта (вроде уездного начальника) в том самом городке Пюже-Тэнье, где родился Огюст Бланки.

Бланки-отец был добрый, но слабохарактерный и политически беспринципный человек. При всех дальнейших сменах властей, при возвращении старой королевской династии Бурбонов, при новом временном торжестве Наполеона I в 1815 г. и окончательной победе старой дворянско-монархической власти Бланки отрекался от своих прежних „заблуждений“ и униженно выпрашивал себе службы.

И если его рассказы о гелекой революции производили огромное впечатление на маленького Огюста и заложили в его душе первый фундамент его будущей революционной страсти, то мало достойное поведение отца во время реставрации монархии несомненно произвело в душе впечатлительного мальчика обратное действие: оно содействовало выработке того мужественного и непреклонного борца, не сгибающегося ни пред какими ударами и преследованиями, каким был Бланки всю свою жизнь.

Мать Бланки была племянницей и воспитанницей той квартирной хозяйки, у которой жил Доминик Бланки в Париже во время своего кратковременного пребывания депутатом Конвента.

Прелестная, веселая и живая 12-летняя девочка, она бегала в тюрьму на свидания к арестованным жирондистам, и ей удалось растрогать даже суровых тюремщиков. Но когда пожилой Бланки 4 года спустя женился на ней, она оказалась капризной и расточительной женщиной, маленьким семейным деспотом. Впрочем, как выяснилось впоследствии, когда она заботилась о своем сыне, „вечном узнике“, организовывала для него попытки побега и боролась ради него с властями, у нее был мужественный и настойчивый характер, и эти черты она передала Огюсту; наоборот, характер отца скорее перешел по наследству к старшему сыну Адольфу, человеку мягкому и покладистому, который не пошел дальше умеренного либерализма, был чиновником при той самой буржуазной монархии, которая замуровала его младшего брата в каменный мешок, и оставил после себя лишь труды по буржуазной политической экономии. Поэтому, будучи в ранней молодости нежными друзьями, братья впоследствии резко разошлись, питали друг к другу враждебные чувства.

Первые впечатления детства маленького Огюста имели не меньшее значение в выработке его характера. Величаяя при-

рода приморских Альп, ранние прогулки по окрестным горам, сопряженные с риском и опасностями, все это воспитывало в мальчике жажду риска и сильных ощущений, любовь к природе и к свободе; и эта любовь лишь закреплялась рассказами отца и его свободной философией. Возможно, что даже философские и астрономические занятия отца, которые не могли не отразиться в семейном кругу, не остались без влияния на Огюста, вызвав в нем ту широту материалистического понимания мира и ту любовь к решению мировых загадок, которые так выгодно отличали его от многих полурелигиозных социалистических групп 30-х и 40-х годов и которые проявились с такой силой на старости в созданной им в тюрьме философско-астрономической поэме.

Вместе с тем с самого раннего детства на 9—10-летнего мальчика обрушивается ряд огромной важности исторических событий, которые выбивают всю семью из насиженного гнезда, знакомят мальчика с нуждой, впервые делают его скитальцем и заставляют глубоко задумываться над явлениями общественной жизни.

В 1814 г. Наполеон вынужден отречься от престола и высылается на остров Эльбу. Коалиция союзных держав (Англия, Россия, Пруссия), которые вели с Францией войну, сажают на престол брата казненного во время революции короля под именем Людовика XVIII.

Во Францию возвращается жадная свора мстительных дворян-помещиков, убежавших в свое время от революции. Начинаются столь знакомые нам проявления белого террора, особенно свирепого на юге Франции. В то же время возрождается к жизни реакционное Пьемонтское королевство на севере Италии, разрушенное Наполеоном, и первым делом снова отнимает у задуманной Франции Ниццу со всей прилегающей областью. В городок, где жили Бланки, врывается грубая солдатчина, и маленький Огюст видит дикие сцены произвола, насилия и грабежа. Вся семья с 7 ю детьми должна спасаться бегством и остается без пристанища. Вдруг, как снег на голову, на них сваливается неожиданное наследство: умирает аристократическая старушка, тетя матери Бланки, и оставляет им небольшое имение. Бланки поселяются там.

Между тем сосланный Наполеон видит, что масса французского народа, особенно армия уже сыта по горло хозяйничаньем

вернувшихся дворянчиков и опять вздыхает о своем императоре, забыв о его собственном деспотизме. Он задумывает смелый план — вернуться во Францию и снова захватить власть — и осуществляет его с молниеносной быстротой. Королевская семья бежит, вся армия переходит на сторону Наполеона, и он — в Париже. Бывший наполеоновский чиновник Доминик Бланки получает должность префекта, т. е. губернатора, и уезжает на новое место службы, оставляя семью в имении.

Но это благополучие рассыпается, как карточный домик. Наполеон „царствует“ всего „сто дней“. Войска союзников наносят ему страшное поражение в битве у Ватерлоо. Он попадает в руки англичан, и на этот раз его упрятывают основательно: на остров Елену, этот „пустынный и мрачный гранит“ в глубине океана.

Снова возвращается Людовик XVIII и вся реакционная клика, жаждущая мести. Союзные войска занимают Париж, миллионным полчищем заливают Францию. Доминик Бланки бежит из своего департамента и пешком возвращается в свое имение, где к опустошениям, произведенным мотовством и расточительностью жены, присоединяется новая беда: постой прусских гусаров. Наступает полное разорение, начинаются годы нужды. Все униженные ходатайства бедного, убитого судьбой старика Бланки к новому правительству о месте остаются без ответа. Приходится влечь жалкую жизнь мелкопоместных маленьких буржуа, самим заниматься крестьянством. Дети, кроме старшего, Адольфа, успевшего окончить коллеж в Ницце, остаются без образования и становятся ремесленниками, мелкими торговцами или женами маленьких чиновников. Только Огюсту предстоит совсем иная судьба.

Все эти потрясающие события, с головокружительной быстротой сменявшие друг друга и так тесно переплетенные с судьбой всей семьи, произвели неизгладимое впечатление на способного и впечатлительного мальчика. Они как бы придавили его всей тяжестью, заставили усиленно работать мысль и содействовали той сосредоточенности и замкнутости характера, тому чувству духовного одиночества, которое было отличительной чертой Бланки с ранней юности и все расло в течение его жизни под влиянием непрерывных жестоких ударов судьбы. Эти же события, та легкость, с какой совершались во время его детства государственные перевороты и одна власть сменяла

другую, может быть, не меньше, чем рассказы отца о великой революции, сыграли роль в выработке основного политического символа Бланки, веры в легкость и осуществимость в любой момент революционного переворота.

Между тем старшему брату Адольфу, который очень любил Огюста, удалось устроиться в Париже репетитором в пансионе для мальчиков, и после долгих лишений и мытарств он стал зарабатывать столько, что решил взять к себе Огюста и отдать его учиться. Это было в 1818 г. Маленькому Бланки было 13 лет. В гимназии, куда он поступил, он обнаружил сразу блестящие способности во всех науках и каждый год получал награды. Но в то же время парижские впечатления и окружающая его среда школьников с первых же лет учения стали будить в душе Бланки революционные чувства.

Это было время расцвета реставрации Бурбонов, время контр-революции, самой злейшей политической и социальной реакции и белого террора. Вернувшиеся из эмиграции и окончательно укрепившиеся с помощью иностранных штыков дворяне-аристократы распоясались во-всю. Они, как говорили про них впоследствии, „ничему не научились и ничего не забыли“ и старались наверстать все, что отняла у них революция.

Иностранные войска вели себя, как в завоеванной стране. А крупная буржуазия, которой страшно надоела и революция и наполеоновские войны, на первых порах встречала этих завоевателей, как избавителей, льстила им и подличала перед ними, зато сбывая по высоким ценам „иностранным варварам“ все залежавшиеся товары и наживая бешеные деньги.

И только в рабочем классе, в бедных парижских предместьях, а также в чуткой учащейся молодежи, вышедшей из рядов мелкой буржуазии, сохранилось чувство патриотизма, чувство собственного достоинства. Только рабочие и мелко-буржуазная интеллигенция со скрежетом зубным смотрели на то, как топчут Францию, как издеваются над ней надменные и наглые дворянчики и вся эта орда иностранцев, этих королевских и царских холопов у себя на родине и господ здесь, в этой Франции, которая 25 лет внушала им страх и трепет. Глядя на это, рабочие и учащиеся вздыхали о великой революции, даже о Наполеоне, и тайно мечтали о мести. А народные массы голодали, и в 1817 г. произошел ряд „хлебных бунтов“...

Такова была та политическая атмосфера, в которой жил Париж, когда туда попал наш будущий революционер и социалист. Революционный патриотизм, мечта о республике и ненависть не только к дворянской аристократии, но и к крупной буржуазии, ко всем этим паразитам на народном теле, откупщикам, банкирам и спекулянтам,— вот были чувства, которые с ранней молодости питали политическое настроение Бланки, готовяли его переход от демократического республиканства к социализму.

Но беззастенчивое поведение дворянства и придворной камарильи начало раздражать и крупную буржуазию и особенно буржуазную интеллигенцию в лице журналистов, адвокатов, оппозиционных депутатов. Печать, то заглушаемая цензурой, то пользующаяся сравнительной свободой, резко протестовала против полицейского произвола, против белого террора и помещичьих appetitов дворянства, требовавшего возврата отнятых во время революции имуществ. Речи представителей парламентской оппозиции читались на-расхват.

А песни Беранже, восхвалявшего Наполеона и издевавшегося над дворянчиками, и язвительные сатиры и насмешки Поля Луи Нурье, этого французского Щедрина, волновали самые широкие круги интеллигенции и всех более сознательных рабочих.

В этих кругах оппозиция от слов начала переходить к делу. Стали образовываться тайные общества заговорщиков, ставившие себе целью совершить революционный переворот. Между ними особенной славой пользовалось общество „карбонариев“, т. е. „угольщиков“, возникшее первоначально в Италии и в 1821 г. основанное в Париже. Его организация была строго конспиративная и централистическая. Ни одна группа членов не знала про другие и имела сношения лишь со своим начальником.

В разных местах Франции вспыхивали попытки восстаний, раскрывались заговоры, особенно в армии, где еще сильные были воспоминания о походах времени революции и Наполеона. Разумеется, они подавлялись беспощадно. Жестоко мстило правительство всем тем офицерам и генералам, которые стали на сторону Наполеона во время ста дней. Этот террор увеличивал недовольство в стране, будил революционное настроение.

И уж, конечно, эти события глубоко волновали школьников, среди которых рос Бланки, и живо обсуждалась ими.

Смертные казни совершались публично, на Гревской площади, и одну из них видел Бланки. Это была казнь четырех сержантов-революционеров из крепости Ля-Рошель, которые мужественно вели себя на эшафоте и умерли с революционными возгласами. Можно себе представить, какой след это ужасное зрелище оставило в душе 17 летнего юноши, какую страстную злобу и жажду мести он унес с собою с места казни.

В то же время его воображение питалось сообщениями о революционном движении в Италии, об испанской революции, усмиренной и подавленной международными жандармами „Священного союза“, этой тогдашней „Лиги наций“, которые двинули часть своих войск из Франции в Испанию,—наконец, о восстании Греции против турецкого владычества. Все это происходило почти одновременно, в 20-х годах, когда Бланки кончал гимназию. Понятно, он и в истории и в литературе искал того, что соответствовало его настроением, увлекался республиканскими героями древнего Рима и их отражением в классической французской литературе. Он поглощал множество книг, знакомился с философией и напряженно думал. Идеи общего блага, борьба за идеал, за справедливость против всякой тирании и всяких привилегий,—вот что становилось его мечтой в 18—19 лет, вот что заставляло его гореть и давать юношеские клятвы. А тайные общества революционеров-заговорщиков, о которых ходили среди молодежи самые фантастические слухи, особенно привлекали к себе молодого Бланки, особенно действовали на его воображение своей таинственностью, своим рынком и смелостью. Вот почему тотчас по окончании школы, в 1824 г., он уже вступил членом в одну из „венг“, т. е. секций, групп общества карбонариев, вот почему также тайное заговорщическое общество, впрочем, подготовляющее революционный переворот, надолго оставалось для Бланки идеалом политической деятельности.

Впрочем, на этот раз принадлежность Бланки к тайному обществу не приводит ни к каким серьезным последствиям и носит скорее лишь номинальный, внешний характер. Разгромленное провалом и раскрытием нескольких заговоров, разложенное изнутри шпионами и провокаторами, общество карбонариев фактически распадается. Но оба брата Бланки уже находятся на замечании у тайной полиции, как люди „неблагонадежного образа мыслей“.

В поисках заработка Огюст дает уроки, пробует сотрудни-

чать в малоизвестных органах печати, по совету отца—в первый и последний раз—обращается к одному из сильных мира сего и, конечно, неудачно. Тогда он, по примеру многих студентов, едет в помещичий замок репетировать сына отставного наполеоновского генерала. Здесь, в деревне, в качестве гувернера, Бланки проводит целых два года, наслаждаясь природой, которую от страстно любил с детства, много занимается, чуждается веселого общества гостей. В этот период жизни у него окончательно складываются те спартанские привычки, та суровая воздержанность, то закалывание своего тела строгой гигиеной, которые не покидали его всю жизнь, помогли ему перенести все ужасы тюрем и позволили, несмотря на хрупкое здоровье, дожить до глубокой старости. Он спит при открытом окне во все времена года и при всякой погоде, ест почти исключительно растительную пищу, притом без всяких приностей, пьет только воду. Воздержный, задумчивый, сосредоточенный, прекрасно владеющий собой, несмотря на природную живость своего темперамента,—таким является Бланки при достижении совершеннолетия, при своем вступлении в жизнь.

Когда он вернулся в Париж, в конце 1826 г., он нашел там большие перемены в политическом мире. Еще за 2 года перед тем умер Людовик XVIII, слабый, нерешительный, вечно колебавшийся между уступками либеральному „духу времени“, т.-е. требованиям буржуазии, и своей придворной камарильей. На престол вступил его брат Карл X, бывший граф Артуа, тупой и злобный реакционер, во время революции вождь всей дворянской и поповской эмиграции. Он сразу сделался откровенным орудием в руках реакционной клики самых черных помещиков и попов-иезуитов. Был проведен закон о вознаграждении дворян за конфискованные революцией земли, при чем им преподнесли целый миллиард народных денег. Началась бешеная травля печати, в угоду попам стали усиленно преследовать за „оскорбление религии“ и „нарушение нравственности“. Все это вызвало страшное раздражение всей интеллигенции, особенно буржуазного студенчества, обычный предвестник буржуазной революции.

Бланки, поступивший репетитором в тот самый пансион, где когда-то работал его брат и где он одно время жил мальчиком, в то же время был студентом и готовился к экзаменам одновременно по двум факультетам: юридическому и медицинскому. Разумеется, он принял самое горячее участие

во всех студенческих манифестациях и протестах против ненавистного правительства и во время этих манифестаций получил свое первое боевое, революционное крещение. В 1827 г. он два раза, во время свалок студенческой толпы с полицией, был легко ранен сабельными ударами. А в конце того же года, после победы либеральной оппозиции на выборах в палату депутатов, когда студенчество праздновало эту победу новыми шумными демонстрациями и правительство выслало против них войска, — Бланки уже серьезно ранен пулей в шею и быстро унесен друзьями домой, чтобы не отдать его в руки полиции.

Благодаря заботам и уходу своей матери, которая показала, что умеет быть не только капризной и деспотической женщиной, но и стойким другом, Бланки быстро оправился от раны и стал вести прежний образ жизни.

В это время, давая уроки в одном женском пансионе, он познакомился с молоденькой девушкой, почти девочкой, Сусанной Сэпп, которая стала впоследствии его женой и преданным другом. Но в самом начале этого знакомства, в 1828 г., вероятно, спасаясь от преследований полиции, Бланки отправился путешествовать. И тут он оказался верен своему спартанскому образу жизни и своим скромным привычкам. В течение двух лет он путешествовал пешком, с сумкой за плечами, при чем сперва направился на свою родину в Ниццу, оттуда в Италию, а затем на юго-запад Франции и в Испанию.

Такие путешествия, которые совершались встарину, со множеством интересных встреч и приключений, были бесконечно полезнее и поучительнее, чем современные поездки по железной дороге, где все время видишь лишь однообразные станции и знакомишься только с населением своего вагона. И молодой Бланки несомненно вынес из своего путешествия большое знание людей и житейских условий и вполне наслаждался своей еще в детстве приобретенной любовью к природе и независимости.

А в Ницце с ним случилось приключение, которое как бы предопределило всю его дальнейшую судьбу: местная пьемонтская полиция, увидев фамилию Бланки, вспомнила его отца, друга французской революции, члена страшного Конвента, и... на всякий случай арестовала сына. Его, конечно, скоро выпустили; но судьба словно приготовила ему этот неожиданный сюрприз, это знакомство с мрачной одиночкой итальянской тюрьмы, чтоб его образование было окончательно завершено,

чтобы, вступая в жизнь борца и революционера, накануне первой революции, в которой он принял непосредственное участие, он на опыте познакомился с тем, что его ожидает...

Вернувшись в Париж в конце лета 1829 г., Бланки на этот раз окончательно отдался журналистике, газетному делу. Он становится хроникером и репортером оппозиционной газеты „Глобус“, которая объединяла весь цвет тогдашнего либерализма: будущих реакционных министров Гизо и Тьера (того самого Тьера, который посадил его в тюрьму 40 лет спустя), философа Кузена, историка Минье, критика Сэн Бева и других. А секретарем редакции был известный впоследствии утопический и мистический социалист Пьер Леру.

Бланки с любопытством изучал эту новую для него среду, с которой ему в будущем пришлось вступить в непримиримую борьбу и которая беспощадно преследовала его всю жизнь. Он прислушивался к их разговорам, но думал свою думу и уже тогда резко расходился с ними и в целях и в способах борьбы с правительством. Они мирным путем добивались улучшения и соблюдения конституции, Бланки же был страстным республиканцем и чувствовал, что дело идет к революции. И на этот раз чутье его не обмануло.

II.

Июльская революция и июльская монархия.

Буржуазная оппозиция против поповски-помещичьего правительства Карла X все нарастала и увеличивалась. А народные массы молчали, но ждали лишь случая по-своему проявить свою ненависть к Бурбонам и их режиму. Весной 1830 г. правительство распустило слишком либеральную палату депутатов и назначило новые выборы. Несмотря на все средства правительственного давления и террора, в палату прошло еще больше оппозиционных депутатов, чем раньше. Тогда Карл X и его министры решили больше не стесняться и фактически отменить и ту жалкую конституцию, которую имела Франция времен реставрации. Палата была объявлена распущенной раньше, чем она собралась, изменен был избирательный закон, и без того дававший избирательные права лишь ничтожному меньшинству граждан, и окончательно уничтожена свобода печати. Лишь после такой основательной „подготовки“ правительство думало допустить новые выборы.